

СТАТЬИ О НЁМ И ЕГО ТВОРЧЕСТВЕ

УГЛЕГРАД^{*)}

«Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот»,
А. А. ЖДАНОВ.

«Угледград» — так называется поэма молодого поэта Алексея Косаря, посвященная автором Кузбассу и его шахтерам. Угледград — город угля, город копов и терриконов города пастушьей индустрии, в сказочные сроки возникший там, где еще совсем недавно из леса в полдень голубой шли звери к водопое бродил отражный зверюбок таялою тропкою...

На географической карте Кузбасса Угледграда нет. И хотя автор поэмы называет существующие географические пункты, хотя он говорит про гнилушка Абурку, про Кондому Тайдон Гыглар про Шорские горы и седлантий Кандалей — Угледрад это не литературный псевдоним Прокопьевска или Киселевска. Осинники или Ленинка-Кузнецкого. Нет Угледград — это весь угольный Кузбасс, это большое и широкое обобщение, так же как герои поэмы — отец и сын Прокопдины — это коллективный портрет всего кузбассовского шахтерства, лучших его, кадровых, представителей, всеми корнями выросших в угольную кузбассовскую землю.

Есть ли в поэме фабула, сюжет? И да, и нет. Головокружительный повсюду, кроме нашей страны, путь одного шахтера, с его классической, в советских условиях биографией — от виватского, полуполитического паренка до государственного деятеля — это одновременно и тема — огромная, глубочайшая, всеобъемлющая тема вешней действительности: неустанное соединение личного судьбы советских людей с судьбой своей социалистической Родины.

И главная сила поэмы Алексея Косаря в том, что созданный его поэтическим воображением непрерывно растущий Угледград неотделим от судьбы главного героя Ивана Прокопдины, как неотделим сам Иван от Угледграда и как неотделим он от советской страны и советского строя.

Поэма начинается введением не имеющим (в отличие от остальных глав) ника-

кого названия. Это неслучайно: введение в Угледград — экспозиция, моментальная фотография всего того, что предшествовало рождению Угледграда:

Невысокая осока,
где шуршали камыши
вядла, становилась до срока
в заболоченной глуши

У Абушки — ни забушки,
ни зерюшки ни души...
Но однажды у истока
удлиненная осока
выдала шалашин.

А введя за тем —
Здесь рудник родился словно родник
в своей первоизданной красе.

И вот уже
... там где таяла в осоке исток
гнилушка Аба-река,
грохочет живоительный поток
кузбасского уголька.

Уголек — слово шахтерское. Очень ласковое, оно как будто совсем не вступает с обычной шахтерской неразговорчивостью и внешней грубоватостью. Но тем кто знает горняков, известно: настоящий шахтер никогда не скажет «уголек», всегда «уголек». В этом нет ни малейшего пафоса — только скупое выжужжание короткотель отнющен мастер с его ремеслом. И Алексей Косарь с первых же строк поэмы, одной из тех стихотворной строички «водит читателя в настоящую жизнь своих героев».

С главным героем — Иваном Прокопдиным — читатель знакомится в чудесную вечернюю пору, когда еще не очень горячи
лучи денника апельсового,
но в оне театся глани,
по склону гор журачат ручьи,
как себесто поблескивая...

Сам автор встречается со своим героем в поездке, после многих лет разлуки:
— Вот ты встреча!
— Не мечта!
— Садись Иван, пассажирай...
Да покажись, каким ты стал
из паренка чумазого.

Так начинается рассказ об Иване Про-

копдине, кузбассовском шахтере и солдате-фронтовике, возвращающемся в родные края после Победы. Мы застаем Ивана вполне зрелым, сложившимся человеком. Но у него есть на что оглянуться в прошлом, и автор поэмы вовсе не собирается изображать Ивана Прокопдина неким Ивановым безродным.

Наоборот, из первых трех глав поэмы мы узнаем многое о жизни героя. Вот он, еще юнец, почти мальчишка — лесоставишник в шахте: вот, едва ли не впервые, Иван как следует принимается за науки — за книги и тетради садись с утра, чуть-свет: открылся в Угледграде рабочий факультет...

А вместе с фабком приходит к Ивану любовь. Лирические, прозаические мignon улыбки, строки поэмы очень тепло и уютно дышат, передают об этом юношеском, но не так уж просто, но очень глубоко складываются объективные: «Она — учительница, я же — шахтер объективный...» И даже не в том дело, что шахтер. Нет, чтобы полюбила Вера Николаевна, мало хорошо рубить уголь, мало вылавлять на-гора по дне и по тропинкам. Нужно еще смелость, как в книжках, знать бы науку. И он изо всех сил стремится подняться до ее культурного уровня.

Задача трудная, но Иван всегда выискивает себе задачи потруднее. Он упорен и настойчив. Он понимает цель и, прямо, не отклоняясь, не сворачивая в сторону, идет к ней. Откуда такая хватка? Где набрался парнишка этой хозяйской твердости?

Открываем главу «Отец и сын», и тут-то многое становится понятным. Второю герой поэмы, старый шахтер Павел Прокопдин, появляется перед читателями в тот таинственный для него час, когда врачи намерены по старости лет перевести его на инвалидность. Как личное оскорбление, как несмыслимый позор воспринимает старик эту попытку.

Скупыми штрихами рисует поэт и внешний облик своих героев, и внутренний их мир, и перед читателем встает полнокровный образ отца. И не надо далеко искать истоки этой, органически присущей Ивану, Иван — потомственный шахтер истый, сильный, сын своего отца. Хорошо владеет поэту глава «Счастие». В бесподобных поисках счастья промелькнул своим молодостью старик Прокопдин. Он искал из-за Россию — от Волги и до

Лены, был портовым грузчиком, золотодобытчиком, угольщиком на старик Судженских и Кольчугинских коях, и все это — в поисках, хотя бы самого крохотного участка.

А счастье ускользало, как тесть, хоть и была богатая земля. И не найти бы его Прокопдину, если бы «...посланики из Кремля» не привезли ключи к запертому на семь замков народному счастью. Ключи эти, по названию и образному выражению старого шахтера,

...сделал тот, кто и теперь
поведавший в мире мастер...
Его ключом открыли дверь
навстречу счастью — вастежь!

И, вспоминая о своем прошлом, Павел Прокопдин, естественно, не может не думать о сыне, который уже «... семнадцать лет Кузбассу был внастье», которому с малолетства даны «... права на счастье» и который смелостью «... славы и богат, и орденом украсил».

И тут вновь поднимается в поэме острая тема: неразрывная связь между личными судьбами героев и судьбой Кузбасса, судьбой всего неограниченного Советского Союза. Многие, очень многие старшие горняки узнают себя в Павле Прокопдине и не менее молодых кузбассовцев обнаружат штрихи собственных биографий в поэтическом портрете Ивана.

Иван, как мы видели, еще до войны успел стать педологом и даже знатным человеком в Кузбассе. А с фронта он возвращается еще более возмужавшим, научившимся понимать общественную значимость происходящего вокруг него. С возмужавшим увлечением он полагает теперь все перемены, происходящие за годы войны в его родном крае:

Иван видит, что, пока он сражался «... у волжских воет и пламенем был горюдином опоясан...», в Кузбассе «... вылезали забки с утра до утра, и, как бы шахтеры здесь ни были, тут, воевой многоголовой телет на-гора из недр Угледграда колохотный уголь».

Робкий человек, прирожденный шахтер, он за годы войны стократно вырос по созданию своему труду. И вот уже «... немудкающий отбойный молоток вонзает в черныи пласт Иван Прокопдин, вот уже Иван углем до носа оброс, зовут отбрыкиши на помощь лесогонов: не успевай брать электровоз

нагруженные доверху вагоны... Как же непохож этот восторженный, вдохновенный труд Ивана на горняцкий труд его отца, когда тот безнадёжно вонзал кайла по рудытьи сразмаку в черныи камень, добывал в куски, кайлил опять, мечтая счастье отыскать за черными кусками... Но и двурогой кайла Прокопдину не помогало...

Совершенно иначе складывалась юность Ивана. Ему и в голову не приходило думать о своем отдельном, маленьком счастье. Родина росла сама и растила его вместе с собой. Родина дала ему все: образование, профессию, постоянный и вечный заработок даже почет и славу. Вот почему, вернувшись с войны, он, вчерашний солдат, действует у себя в шахте с тем же боевым запалом, что и в излещенном крае фронта. Но, оказывается, не все бывшие фронтовики работают так, как он. Бывнештосет в злобой Ивана автор сталкивает тем «... фронтовики» другого Петюму Сулязово, без обиняков, допытывается Иван: — Чем сегодня похвляешься, можешь, увражамый товарищ фронтовик?

И под немудкающим его взглядом ежится невдалеке шахтер «... будто ледяи нем и забойщик, не Иван, а командир полка...»

Так поднимается еще на одну ступеньку в своем новом, социалистическом отношении к окружающему Иван Прокопдин. Как фронте постиг он несокрушимую силу коллективной ответственности за исход боевого дела, и это новое, высшее, сознание принес в шахту. А шахта в долгу перед страной шахты не выпячивает государственных заданий, ибо в шахте есть люди, любящие Петру, и работают они не так, как должно, когда «... не отступая от труда, стопаи возводит города из пеллы и руды...» И кто же, как не потомственный шахтер — знатный забойщик и бывший фронтовик скажет товарищам решительное откровенное слово? Кто, как не он, поднимет горняцкий коллектив на большую трудовую высоту?

Алексей Косарь покидает своего героя в тот момент, когда шахтеры выдвигают его кандидатом в депутаты Верховного Совета. Завершен уже неудивительный для нас путь советского передового человека — от «паренка чумазого» до государственного деятеля.

«Угледград» — первое большое произведение Алексея Косаря. Кузбасс — хороше

знает этого молодого поэта, написавшего свою литературную работу в 1942 году здесь, в Кемерово. За прошедшие пять лет Косарь неизменно вырос идейно и профессионально. Поэма — «Угледград» — лучшее тому свидетельство.

Не вся она еще ровная по своим литературным достоинствам. Попадаются слабые, вялые строки, неточные эпитеты, тяжелые строки стихотворных оборотов. Но зрелое мастерство вырывается не сразу, а у Косаря есть уже немало хороших стихотворных находок, свежих ритмов, он совсем неплохо владеет ритмикой стиха. Но главное — у него есть что сказать читателю, он умеет видеть жизнь и показывать своих героев.

Его Иван Прокопдин в какой-то мере родственен любимейшему поэтическому герою нашей современности — Василию Теркину. В дни, когда Твардовский лишь выдала в широкий мир своего героя, выдалась Немало высокомоных расклеваний о «любвиости и «плакатности» Теркина. Затем жизнь заставила замолчать тех литературных способ, которые в простоте умудрились видеть примитивизм, в народности — шаблон и плакатность. Наскоро переменяя позиции, снобы заговорили о том, что Твардовский-де сумел поднять своего Теркина до высот подлинного искусства, но что этот «литературный поэм» вообще опасен, а молодым, начинающим литераторам безусловно заказан.

У Твардовского, конечно, гораздо больше поэтического мастерства, нежелая сказать, у Алексея Косаря; Иван Прокопдин есть, быть может, и не заслужил права называться тыловым братом Василия Теркина. Но родственные черты у них есть, хотя бы в подлинной народности обих, и — этим надо похвалить Алексея Косаря. Его Прокопдина любит читатель, ибо он им — свой человек, знакомый и близкий.

Автор нашел хорошего героя, он свободно и умно раскварад о нем, сумев подняться в своей поэме до серьезного поэтического общения.

Кузбасс — неисчерпаемая сокровищница для советского литератора, любящего и знающего нашу современность. Косарь не только поэт. Он — и журналист, а значит — находится в самых истоках жизни. И ему надо продолжать начатый литературный путь, всецело отбрасывая свое профессиональное оружие.

ОЛГА ЗИВ.